

Митина Мария Николаевна

РОЛЬ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ И ЕЁ СЕМАНТИКА В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ

В статье автор исследует роль мелкой пластики и её семантику в культуре и искусстве Китая и Японии. Представлены краткий обзор развития мелкой пластики в этих странах, особенности ее функционирования и стилистики. Одной из основных проблем является проблема интерпретации. Автор представляет существующие взгляды на данную проблему, предлагает рассматривать произведения с точки зрения их многофункциональности, не только учитывая традиционные трактовки о религиозном предназначении, но и принимая во внимание возможный вотивный и декоративный контекст.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 156-159. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Несомненно, что комплекс *Мады Майраем* требует специального и обстоятельного изучения, включающего детальные архитектурные обмеры, археологическое обследование, анализ соответствующих фольклорных текстов и т.д. Предложенное предварительное рассмотрение указанного памятника свидетельствует о перспективности дальнейших исследований.

Список источников

1. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Л.: Наука, 1973. Т. II. 448 с.
2. **Бзаров Р. С.** Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе: Ир, 1988. 152 с.
3. **Вахушти, царевич.** География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. 242 с.
4. **Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)** / сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. 320 с.
5. **Пфаф В. Б.** Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 127-176.
6. **Раевский Д. С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
7. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 846. Оп. 16.
8. **Сказание о чудотворной Иверской иконе Божией Матери.** Владикавказ, 1994. 66 с.
9. **Сланов А. А.** Башни с «округлой спинкой» на территории Осетии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы международной научной конференции (г. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 381-382.
10. **Сланов А. А.** Памятники Куртатинского ущелья. Фортификационные системы // Дарьял. 2004. № 1. С. 214-235.
11. **Тменов В. Х.** Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1996. 440 с.
12. **Тменов В. Х.** Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. 344 с.
13. **Толстой В. С.** Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: Иростон, 1997. 128 с.
14. **Уварова П. С.** Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. 326 с.
15. **Фидаров Р. Ф.** Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Вып. 7. Владикавказ, 2011. С. 4-25.
16. **Цагаева А. Дз.** Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 2010. 624 с.
17. **Штедер Л. Л.** Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / сост. Г. И. Цибиров. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. 368 с.

THE TEMPLE COMPLEX MADY MAIRAM IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA

Mamiev Mikhail Ernestovich, Ph. D. in History

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz
mikhailmamiev@yandex.ru

The article is devoted to the interpretation of the medieval architectural complex of Mady Mairam (Mother of God), located in the mountainous region of North Ossetia-Alania. The forming base of the complex is a small nonapsidal temple and a nearby defensive tower. According to the legend, here until the end of the XVIII century the most venerable icon of the Virgin was preserved, later it became widely known as the Mozdok one. The conducted analysis allows us to assume the original monastic character of the complex under consideration.

Key words and phrases: temple architecture; Alanian Orthodoxy; fortification; monastery; Mozdok icon.

УДК 738.6

Искусствоведение

В статье автор исследует роль мелкой пластики и её семантику в культуре и искусстве Китая и Японии. Представлены краткий обзор развития мелкой пластики в этих странах, особенности её функционирования и стилистики. Одной из основных проблем является проблема интерпретации. Автор представляет существующие взгляды на данную проблему, предлагает рассматривать произведения с точки зрения их многофункциональности, не только учитывая традиционные трактовки о религиозном предназначении, но и принимая во внимание возможный votivный и декоративный контекст.

Ключевые слова и фразы: мелкая пластика; скульптура малых форм; мелкая пластика Китая; мелкая пластика Японии; проблема интерпретации мелкой пластики.

Митина Мария Николаевна

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург
mitina.mary@gmail.com

РОЛЬ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ И ЕЁ СЕМАНТИКА В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ

Существует множество работ по отдельным видам искусства Китая и Японии разных периодов, а также об искусстве этих стран в целом. Зачастую, мелкая пластика рассматривается в рамках общих исследований

об искусстве Китая и Японии. В мелкой пластике отмечается ряд универсальных особенностей (стилизация, небольшие размеры, важность тактильного восприятия и т.д.), характерных для этого вида искусства. Автор ставит перед собой задачу выявить особенности мелкой пластики Китая и Японии на основе краткого общего обзора материала, учитывая невозможность фундаментального исследования этого вопроса в рамках статьи, и сравнить данные особенности с набором универсальных черт мелкой пластики, а также рассмотреть существующие интерпретации антропоморфных фигурок, найденных на территории Китая и Японии, и сравнить их с принятыми интерпретациями мелкой пластики в целом, так как проблема семантики мелкой пластики является ключевой в этом виде искусства; в результате анализа определить схожесть или различие особенностей пластики и подходов к её интерпретации и таким образом наметить возможные пути определения роли мелкой пластики в культуре Китая и Японии, а также в мировой художественной культуре в целом, что и является целью автора.

Актуальность работы заключается в обобщении материала о мелкой пластике, выявлении наличия универсальных черт в искусстве мелкой пластики данного региона и сравнении взглядов на семантику антропоморфных фигур, созданных на территории Китая и Японии. В качестве основных методов исследования автор использует историографический и искусствоведческий анализ.

Искусство древнего Китая богато и разнообразно. Образцы мелкой пластики встречаются в древнейших погребениях, но распространяется этот вид искусства по территории Китая с эпохи Хань [1, с. 21]. Мелкая пластика играет большую роль в погребениях и, скорее всего, имела именно это предназначение как приоритетное. Одни из ярких примеров использования мелкой пластики в погребениях представлены в могильнике Сяохэ [5], датируемом бронзовым веком. На северо-востоке Китая найдено большое количество антропоморфных статуэток, преимущественно женских, относящихся к неолитической культуре Синлунва. Многочисленные статуэтки из глины и камня, напоминающие женские фигуры, антропоморфные маски и скульптуры женщин, сидящих на корточках, дают возможность для их сравнения и анализа [13, р. 132]. Безусловно, следует учитывать особенности и свойства материалов – камень и глина, соответственно некоторые различия в исполнении, однако общая стилистика и набор образов в целом совпадают. Чуть позже подобные фигуры появляются и в культуре Хуншань. С точки зрения исполнения статуэток традиции остаются те же, а с точки зрения функционирования расширяются возможности их использования – появляются каменные алтари [Ibidem, р. 172]. Существует точка зрения, что антропоморфные статуэтки использовались в специальных обрядах, связанных с рождением.

Следует отметить большие различия в исполнении произведений. Очень часто одни и те же персонажи представлены по-разному. «Антропоморфные фигурки неолита Китая, найденные в районе реки Хуанхэ, различаются в значительной степени мастерством исполнения, скорее всего каждая фигурка была выполнена для конкретных случаев» [15, р. 91]. Некоторые скульптуры стилизованы, а некоторые выполнены более реалистично, с элементами костюма. Подобное разнообразие исполнений статуэток указывает на их различное функциональное предназначение, а степень проработки деталей – на разных мастеров, их изготавливавших. Еще одна важная особенность – этнические характеристики статуэток. Большое количество статуэток обладает европеоидными чертами.

Принципы построения изображения, отношение к фигуре человека и архитектонике композиции в целом универсальны. Серия крышек-гай из комплекта погребальных сосудов комплекса Баньшань представляет похожие с точки зрения оформления, изображения голов антропоморфных существ. Лицо, шея и основание фигурок покрывались росписями. Большинство исследователей относят баньшаньские крышки к скульптурным изображениям. В интерпретациях назначения этих вещей подчеркивают погребальный характер, часто проводят аналогии с древнеегипетскими произведениями, основываясь на художественных и функциональных особенностях. Антропоморфная мелкая пластика Древнего Египта в большей степени представлена ушебти – небольшими статуэтками, выполненными из разных материалов. Впервые ушебти появляются в Новом царстве. Очевидным представляется назначение ушебти в качестве погребальных статуэток для обеспечения покойного пропитанием в загробном мире. Скульптура в целом и мелкая пластика в частности рассматривалась как живое существо с душой – Ка, которая после смерти может посещать изображенного человека в загробном мире. Стилистической особенностью древнеегипетских фигурок является обобщенность форм и лаконичность декора, в большинстве случаев не имеет значения и правильность соотношения частей тела, разворотов и направленности конечностей изображаемых персонажей. Но очень часто, несмотря на стилистическую обобщенность, можно отметить портретные черты в изображении лица. Следует учитывать и разное отношение к ушебти в разные периоды истории Древнего Египта. Так, очень часто одни и те же произведения искусства в разное время получали новое значение, расширяя семантическое поле вокруг себя. Одни и те же образы наделялись множеством значений, иногда даже диаметрально противоположными. Безусловно, подобное мультифакторное восприятие характерно для древнего сознания в целом, однако сегодня этот факт затрудняет объяснение тех или иных явлений в связи с принципиально другим типом сознания зрителя. Важным является и тот факт, что статуэтки ушебти заимствуются другими народами, продолжают играть важную роль в погребальном культе, но уже в другой культуре. Эти же особенности характерны и для произведений, созданных на территории Китая. Важной для мелкой пластики является возможность, и даже необходимость, тактильного ее восприятия. Это отличие мелкой пластики от монументальной скульптуры вводит данный вид искусства в круг бытовых реалий и ситуаций, именно поэтому при трактовке семантики фигурок необходимо учитывать эту особенность.

Культуры хуншаньского круга относят к самым развитым с точки зрения пластического искусства. Наиболее древние примеры их творчества были обнаружены в комплексе Хоутайцзы. В результате исследований

были найдены каменные статуэтки разных размеров, изображающие женщин в разных позах (в позе эмбриона, сидячие фигурки и статуэтки с преклоненными коленями). У фигурок выделены гендерные признаки, четко обозначены грудь и живот. В интерпретации образов большинство исследователей придерживаются распространенной теории о связях статуэток с культом плодородия.

Многие исследователи культуры и искусства Китая отмечают, что в древнейших произведениях пластического искусства Яншао важную роль играют керамические маски с особым построением лиц и проработкой глаз. Стоит отметить такое явление мелкой пластики Китая, как групповые композиции, составляемые из фигур, так называемые «аллеи духов» (шэньдао, гуйдао, шэньлу), которые, в свою очередь, входили в единый архитектурный ансамбль погребений [6].

В целом для всех культур Древнего Китая в искусстве мелкой пластики можно выделить ряд универсальных черт: распространённость пластического искусства во всех регионах неолитического Китая, стилистические и функциональные разновидности в разных районах, огромный интерес к человеку [7, с. 77].

Итак, несмотря на большое разнообразие исполнения статуэток – различную степень мастерства изготовления, этнические характеристики и стилистику проработки формы, – преобладает точка зрения о функциональном предназначении статуэток как элементов религиозного культа. Также популярны представления об использовании фигурок в культах плодородия и обрядах, связанных с рождением и смертью. Образы, созданные на территории Китая, зачастую трактуются как изображения божеств, реже как посвячительные (вотивные) – изображения предков. Отмечается возможная связь с ритуальными масками – этому способствует своеобразная проработка лиц с гипертрофированными чертами и нарочито подчеркнутым эмоциональным характером. Несмотря на разнообразие материалов (глина, камень, дерево), принципы построения изображения были универсальны.

Древнейшее изображение человеческой фигуры в японском искусстве мелкой пластики относится к эпохе неолита – культуре Дземон [3]. Небольшие керамические антропоморфные скульптуры получили название «догу». Основной особенностью в их исполнении являются фантастичность и стилизация образов (очень часто гипертрофированные глаза, причудливые головные уборы и т.д.). В плане возможного предназначения таких фигурок преобладает версия использования статуэток в религиозных обрядах [16, р. 206].

Ещё один важный виток в японском искусстве скульптуры – погребальные статуэтки ханива. Ханива представлены в двух вариантах исполнения – цилиндрическом и морфоподобном. Искусство ханива известно с III в. н.э., но наибольший расцвет получает в VI-VIII вв. [4, с. 57]. Именно в это время чаще всего создавались антропоморфные изображения. Мастера придавали фигурам различные позы, прорабатывали детали костюма. Особое внимание уделяли выражению лица, передаче определенных черт.

Японская скульптура проходит эволюцию от истоков до наивысшего расцвета в периоды Асука, Нара, Хэйан, Камакура [2, с. 125]. С точки зрения развития мелкой пластики в мировой художественной культуре и выявления влияния японского искусства на развитие мировой мелкой пластики стоит уделить отдельное внимание искусству нэцкэ и окимоно. Оба вида искусства похожи по внутреннему содержанию, оформлению и размерам. Но существует важное различие – отсутствие функционального назначения у окимоно. Нэцкэ – брелоки с отверстием для шнура – играют утилитарную роль. Окимоно (любая скульптура малых форм) предназначена для оформления интерьера, хотя этот термин иногда используется и по отношению к нэцкэ [11, с. 211]. Окимоно как вид миниатюрной пластики, предназначенной для украшения жилья, получили распространение приблизительно в XVI веке, когда в архитектуре жилища становится принятым устройство специальной ниши (токонома) [16, р. 306].

Делая краткий обзор, можно обозначить основные вехи в искусстве мелкой пластики Японии. Древняя пластика ханива связана с погребальными обрядами и, как правило, состоит из определенного набора образов (воины, слуги и т.д.). Буддийская пластика сконцентрирована на передаче религиозных образов и догм. К XVII в. большой популярностью стала пользоваться миниатюрная скульптура нэцкэ. Набор образов для нэцкэ огромен и разнообразен. Функциональное назначение преобладало, но не лишало произведения художественности. С точки зрения оформления главной особенностью является использование принципов стилизации. Однако следует подчеркнуть связь мелкой пластики Японии с искусством Китая (в частности искусство ханива).

Итак, в мелкой пластике Китая и Японии отмечается большое разнообразие локальных черт (фантазийность образов, особая проработка глаз, большое значение маски, связь антропоморфной фигуры с функциональным назначением предмета – крышка сосуда, подвеска и т.д.), вместе с тем присутствует ряд универсальных особенностей, таких как важность тактильного восприятия, стилизация, преувеличение отдельных частей фигуры.

С точки зрения семантики в исследовании мелкой пластики Китая и Японии отмечаются те же предположения, что и в интерпретациях мелкой пластики других культур. Многие исследователи настаивают на религиозном значении фигурок, однако семантика этих произведений выходит за рамки культов плодородия, выявляя связи с реальной жизнью реальных людей, так как многие статуэтки передают очертания одежды и украшений, а иногда и портретные особенности изображаемых. Необходимо особенно подчеркнуть полифункциональность статуэток (религиозная, обрядовая, погребальная, вотивная, декоративная и т.д. функции). Даже в небольшом обзоре совершенно четко определяется широкое семантическое поле, в рамках которого могли создаваться и использоваться произведения мелкой пластики.

В результате краткого обзора произведений мелкой пластики в культуре Китая и Японии различных эпох можно отметить большое количество статуэток, памятники встречаются на обширных территориях, эти находки подтверждают важное место пластики в жизни людей. Однако в разные исторические периоды значение и роль мелкой пластики в культуре данных стран изменялись. Следует отметить большую

потребность в создании произведений мелкой пластики в период древности и изменение ее роли в жизни людей с течением времени. Безусловно, данная тема требует детального и подробного анализа, что дает почву для дальнейших исследований.

Список источников

1. **Виноградова Н. А.** Искусство Китая. М.: Изобразительное искусство, 1988. 250 с.
2. **Виноградова Н. А.** Скульптура Японии. III-XIV вв. М.: Изобразительное искусство, 1981. 240 с.
3. **Иофан Н. А.** Культура древней Японии. М.: Наука, 1974. 261 с.
4. **История Японии:** в 2-х т. / под ред. А. Е. Жукова. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. Т. 1. 659 с.
5. **Комиссаров С. А., Прокофьева И. В.** Каменные изваяния Синьцзяна (перспективы изучения) // XXXVIII Научная конференция: общество и государство в Китае. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 38-42.
6. **Комиссаров С. А., Хачатурян О. А.** Мавзолей императора Цинь Шихуанди. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010. 216 с.
7. **Кравцова М. Е.** Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Лань; Триада, 2004. 960 с.
8. **Николаева Н. С.** Декоративное искусство Японии. М.: Искусство, 1972. 266 с.
9. **Нэцкэ в собрании Государственного Эрмитажа** / под ред. М. Успенского. СПб.: Slavia, 1994. 424 с.
10. **Нэцкэ и японская гравюра из собрания С. П. Варшавского:** каталог выставки. Л.: Искусство, 1983. 96 с.
11. **Успенский М. В.** Нэцкэ. Л.: Искусство, 1986. 267 с.
12. **Шапиро Ю. Г.** Культура и искусство Китая. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1959. 53 с.
13. **Chen X., Liu L.** The Archaeology of China: from the Late Paleolithic to the Early Bronze Age. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 2012. 475 p.
14. **Chi L.** A Dictionary of Chinese Ceramics. Singapore: Sun Tree Publishing, 2003. 368 p.
15. **Liu L.** The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 2004. 310 p.
16. **Varley P.** Japanese Culture. 4th ed. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000. 384 p.

THE ROLE AND SEMANTICS OF INDOOR SCULPTURE IN THE CHINESE AND JAPANESE CULTURE

Mitina Mariya Nikolaevna

*The State Hermitage Museum, Saint Petersburg
mitina.mary@gmail.com*

The article examines the role and semantics of indoor sculpture in the Chinese and Japanese art and culture. The author provides a brief survey of indoor sculpture development in these countries, analyzes the peculiarities of its functioning and stylistics. One of the basic problems in this sphere is the problem of interpretation. The author summarizes the existing views on the problem and proposes to consider artworks from the viewpoint of their multi-functionality, taking into account not only traditionally ascribed religious purposes but a probable votive and decorative context.

Key words and phrases: indoor sculpture; small-scale sculpture; Chinese indoor sculpture; Japanese indoor sculpture; problem of interpreting indoor sculpture.

УДК 78.071.2

Искусствоведение

В статье характеризуется круг учеников Ференца Листа, в который входили Бернхард Ставенхаген, Конрад Анзорге, Лина Шмальхаузен, Август Страдал, Фредерик Ламонд, Иштван Томан, Луиза Коньетти, Надин Хельбиг и др., посетившие его уроки в период пребывания в Риме в конце 1885 – начале 1886 года. Материалом для изучения стал дневник секретаря и ученика Листа – Августа Гёллериха, содержащий ценные своей полнотой и точностью исторические и методические данные, непосредственно свидетельствующие о специфике и содержании преподавательской деятельности Листа. В результате выявлены особенности репертуара, приоритетные для Листа качества исполнительской техники.

Ключевые слова и фразы: Ференц Лист; мастер-класс; фортепианная педагогика; пианизм; исполнительское искусство.

Мищенко Михаил Юрьевич, доцент

*Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
2miker@mail.ru*

**ФЕРЕНЦ ЛИСТ И ЛИСТИАНЦЫ В ДНЕВНИКЕ АВГУСТА ГЁЛЛЕРИХА
(НОЯБРЬ 1885 – ЯНВАРЬ 1886 ГОДА)**

С 1869 года Ференц Лист вел, по его собственному выражению, «тройную жизнь», постоянно курсируя между тремя городами, в которых были сосредоточены его главные жизненные и профессиональные интересы, – Римом, Веймаром и Будапештом, со случайными заездами в Вену, Байрейт, Париж. Частые поездки